

ПАРАЦЕЛЬС

Александр
Толчин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Александр Томчин

Парацельс. Гений или шарлатан?

«ВЕБКНИГА»

2023

Томчин А. Б.

Парацельс. Гений или шарлатан? / А. Б. Томчин —
«ВЕБКНИГА», 2023 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04551-4

Жизнь Филиппа Ауреола Теофраста Бомбаста фон Гогенгейма, больше известного как Парацельс (1493–1541), знаменитого врача, алхимика, естествоиспытателя и философа, окружена бесчисленными загадками, мифами и легендами. Его место в истории веками вызывает острые споры между врачами, химиками, историками и оккультистами. Правда ли, что он умел предсказывать будущее? Как ему удавалось вылечить больных, которые считались неизлечимыми? Знал ли он секреты, недоступные для современной медицины? Как расшифровать его труды? Почему он до сих пор вызывает у одних отторжение и презрение, а у других – восхищение и благодарность? Кем он был – основоположником новых методов медицины или бродягой и пьяницей, магом и шарлатаном? Ответы на эти вопросы дает книга химика, публициста и переводчика Александра Томчина, который много лет занимался получением и исследованием новых лекарственных веществ; ему принадлежат свыше 150 научных статей и 90 изобретений.

ISBN 978-5-235-04551-4

© Томчин А. Б., 2023

© ВЕБКНИГА, 2023

Содержание

Предисловие	5
Пролог	7
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Томчин

Парацельс

Гений или шарлатан?

*Посвящается
замечательным петербургским медикам, врачам от Бога –
Сергею Шляпникову, Георгию Прохорову, Ильдару Миннуллину, Николаю
Майстренко, Льву Глазникову, Игорю Гуку, Екатерине Рыцк, Замире
Озиевой и Фаине Валиевой*

Предисловие

На протяжении многих лет целью моей работы были поиск, получение и исследование новых химических соединений и лекарственных средств. Лекарства природного происхождения, прежде всего травы, используются с древних времен, но, как правило, при лечении серьезных заболеваний решающую роль играют лекарства, полученные химиками. Мне всегда было интересно – кому мы обязаны идеей использования лекарств химического происхождения? Кто раньше других понял необходимость соединения усилий химиков и медиков?

Некоторые из таких лекарств, как правило, простые неорганические вещества, применялись еще в древние времена в странах Востока. В Западной Европе этот опыт не получил распространения, и медицина веками, до XVI столетия, почти не сдвигалась с места. Врачи руководствовались старинными рецептами Галена и Авиценны и были беспомощны при лечении многих болезней.

Первым блестящим успехом химиотерапии было открытие Паулем Эрлихом в начале XX века сальварсана, органического соединения мышьяка, которое в течение десятков лет служило лучшим средством против сифилиса. Но поворотом в сторону химиотерапии медицина обязана не одному-единственному человеку, а целой плеяде новаторов – и решающую роль в этом сыграл швейцарский врач и алхимик Теофраст Парацельс (1493–1541).

Он всемирно известен, о нем написаны горы книг и статей, однако широкий круг читателей знает о нем не так уж много. А почему, собственно? Ведь уже напечатаны больше 10 тысяч страниц его сочинений – сложная смесь медицины, химии, психиатрии, космологии и богословия с примесью политики, содержащая также магию, описание талисманов и заклинаний. С начала 1520-х годов он за двадцать лет написал около 20 тысяч страниц рукописей. Из бесчисленных трудов Парацельса при жизни были изданы лишь 5 процентов, остальные опубликованы лишь после его смерти. Парацельс говорил на старинном швейцарском диалекте немецкого языка и придумал целый ряд неологизмов, поскольку в языке того времени научных терминов не хватало. Его книги трудно расшифровать даже специалистам, и содержание многих сочинений до сих пор не разгадано.

Жизнь этого легендарного врача содержит массу удивительных загадок. Ему удавалось исцелять тех больных, от которых другие врачи отказывались. Часто говорят, что Парацельс спасал пациентов от болезней, которые до сих пор остаются для официальной медицины неизлечимыми. Правда ли, что он знал секреты, недоступные современным врачам? Как он лечил своих пациентов?

В биографии Парацельса полно белых пятен, а точно установленных фактов очень мало. Все ли приписываемые ему произведения принадлежат его перу? Как он мог побывать в таком множестве стран и городов? Правда ли, что он применял только лекарства, полученные химическим путем? Известны ли они? Ведь алхимики стремились превращать простые металлы в

золото и свои рецепты скрывали. Почему у Парацельса было столько врагов? Почему у него не было своего дома, семьи и постоянного места проживания? Почему, несмотря на славу и успехи в лечении, его изгоняли из многих городов? Почему у одних он вызывал ненависть, а у других – восхищение и благодарность?

После его смерти прошли века, а отношение к нему остается противоречивым. Последовавший за ним век ознаменовался триумфальным наступлением его учеников. Потом некоторые предложенные им лекарства были запрещены. В годы фашизма в Германии нацисты признали Парацельса гением немецкой нации и выдающимся немецким патриотом. Но если бы он мог подняться из могилы, эта любовь наверняка не была бы взаимной.

В наше время в немецкоязычных странах Парацельс считается классиком и основоположником целого ряда наук, его именем называют больницы и институты. Напротив, исследователи из других стран относятся к нему с изрядным скептицизмом. «Великий врач или большой идиот?» – так называется одна из глав в книге о Парацельсе австралийского автора Хью де Крона. Парацельс не раз упоминается недобрым словом в недавно переведенной на русский язык книге американских авторов Л. Канг и Н. Педерсена под названием «История шарлатанства». Статьи о нем на русском языке зачастую повторяют друг друга, а многие хорошие книги об этом человеке, к сожалению, устарели.

Внес ли Парацельс существенный вклад в медицину? Одни называют его величайшим врачом и исследователем природы, основоположником целого ряда наук, другие – бродягой и пьяницей, колдуном и шарлатаном. Третьи увлекаются лженаукой и мистикой и, рекламируя ненадежные лекарства, прикрываются авторитетом Парацельса, восхищаясь его верой в сверхъестественные явления.

В том, что за века написано о Парацельсе, много противоречий. Я попытался в этом разобраться и рассказать об основных событиях его жизни. Мне удалось побывать в ряде упомянутых в книге городов и ознакомиться со свидетельствами историков. На мой взгляд, Парацельс далеко опередил свое время, при этом во многом оставаясь человеком своей эпохи с ее предрассудками. Его биографию нельзя рассматривать в отрыве от общей картины того бурного времени.

Эта книга не претендует на причисление ни к историческим романам, ни к биографическим хроникам. Изображение главных героев и исторических событий основано преимущественно на документах и фактах. Логика автора подчинена главной цели – дать читателю наглядное представление о Парацельсе, о той атмосфере, в которой он жил и работал, и о людях, с которыми он общался. Читатель познакомится с некоторыми видными современниками Парацельса, из которых Михаэль Гайсмайер тоже опередил свое время, но в иной сфере. Их сопоставление позволяет лучше понять философские взгляды Парацельса, его отношение к церкви и общественному устройству.

Свои выводы о герое книги я не хочу навязывать – пусть последнее слово в его оценке останется за читателем.

Я бесконечно благодарен моей жене Галине Томчиной за неоценимую помощь в редактировании рукописи, а также кандидату медицинских наук, доценту Елене Катковой, историку Максиму Томчину и Михаилу Ицкисону, прочитавшим книгу в рукописи, за ценные замечания.

Пролог

Однажды зимним вечером мы с внуком сидели у телевизора. Он включил свой любимый канал, приверженный к мистике и магии. Внуку больше всего нравятся книги в жанре фэнтези, у меня же в детстве любимой была другая книга – «Таинственный остров» Жюль Верна.

Рассказ диктора сопровождался впечатляющими картинками и внука очень увлек. «Современная медицина не всесильна, – говорил диктор. – Она не может спасти жертву несчастного случая, если мозг слишком долго находился без кислорода». И вдруг наш современник находит древнюю рукопись, где говорится: «Я, Иероним Шварц из Магдебурга, ученик величайшего врача Парацельса, получил эликсир бессмертия, который исцеляет от смертельных ран и болезней и даже возвращает мертвого к жизни, если с момента смерти прошло не больше трех дней».

Далее рассказывалось, что 29 апреля 1515 года Шварц вместе с Парацельсом посетили город Вюрцбург. Парацельс славился тем, что исцелял прокаженных, возвращал зрение слепым, лечил грыжи и переломы. Молодой житель Вюрцбурга умоляет вернуть к жизни его возлюбленную Магду Вассер, которая два дня назад попала под телегу, груженную бочками с вином, и сразу же умерла. Шварц предлагает Парацельсу испытать эликсир бессмертия.

Тело Магды уже находилось в храме. Шварц установил вокруг него пять свечей и нарисовал магический круг. Когда загорелась последняя свеча, Парацельс осторожно достал колбу с прозрачной жидкостью – это и был эликсир бессмертия. Он смочил им губку и стал протирать лицо и грудь девушки. Остатки эликсира Парацельс влил в едва приоткрытый рот Магды. Он приложил свое ухо к груди девушки, но, к сожалению, сердце молчало. Шварц поднес к ее лицу перо, и тут произошло чудо! Легкое перышко зашевелилось от слабого, но уже осязаемого дыхания девушки.

«Известен случай, – продолжал ведущий, – когда алхимикам удалось получить тонны золота, и этот удачный эксперимент привел к гибели тысяч людей...»

– Это все правда? – спросил внук.

– Нет.

– Значит, вранье?

– Нет, фантазия, легенда.

– Но этот Парацельс мог делать чудеса?

– Да. Поэтому такие легенды и мифы возникают до сих пор.

– Интересно! Я тоже хочу быть врачом. Только мой друг – ну ты его знаешь, из нашего класса, – говорит, что это глупости. На врача слишком долго учиться. Он хочет стать водителем грузовика. Тогда сможешь сразу зарабатывать деньги. А что лучше?

– Деньги – это неплохо. Но врач все-таки – очень хорошая профессия. Наступает новое время, людям понадобится в жизни не раз все менять, в том числе профессию. А профессия врача всегда будет нужной. Врач спасает людей. Каждый выбирает себе работу сам – важно, чтобы она тебе нравилась.

– А тебе нравится твоя профессия?

– Да, мне повезло. Я всю жизнь занимался тем, что мне интересно.

– А ты знаешь правду о Парацельсе? Расскажи мне о нем.

– Я попробую. Только это длинная история. За один вечер не осилить.

– Ничего, пускай длинная!

– Ладно, тогда начнем...

Часть первая

Парацельс в Зальцбурге. 1524–1525 годы

Лечение аббата. Споры о церкви и религии. Преследование еретиков, ведьм и колдунов. Встреча с Гайсмайером. На золотых рудниках в долине Гаштайна. Секреты минеральных вод. Получение золотой тинктуры. Восстание в Тироле и Зальцбурге. Бегство из города

В 1524 году швейцарский врач Теофраст Парацельс после долгих странствий приехал в город Зальцбург неподалеку от Каринтии, где прошла его юность. Доктору был 31 год. Парацельсом его впервые начали называть приблизительно с этого времени. Полное и настоящее имя у него было очень солидным – Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст Парацельс. Так оно напечатано в его трудах. Первое имя Парацельс получил по дню крещения в честь святого Филиппа, но в жизни его обычно звали Теофрастом – так назвал его отец в честь знаменитого древнегреческого естествоиспытателя, чье имя, в свою очередь, переводится как «богоречивый». Что касается имени «Ауреол», то оно означает «золотой». По-видимому, его предложили издатели трудов Парацельса: имя автора должно было звучать гордо. Бомбаст – общая фамилия старинного, но обедневшего дворянского рода, к которому принадлежал его отец. Собственная фамилия нашего героя была не Парацельс, а Гогенгейм – в переводе «знатный дом». Так пишут ее по-русски, а по-немецки она пишется *Hohenheim*. Правда, звучит она у немцев совсем не так – Хоэнхайм.

Откуда же взялось слово «Парацельс» (*Paracelsus*)? В то время ученые обычно переименовывали свою фамилию на латинский или греческий лад. В книгах и энциклопедиях обычно пишут, что наш герой сам назвал себя Парацельсом и что это слово означает «превосходящий Цельса» – знаменитого древнеримского философа и врача. Это не исключено, но доказательств того, что он сам или другие сравнивали его с Цельсом, нет.

В те времена латынь изучали не по учебникам, а по текстам древних авторов. Для врачей главным авторитетом был Гален, древнеримский медик и философ во II веке н. э. В его трудах слово *celsus* употреблялось в смысле «возвышенный» или «благородный». А приставка «пара», излюбленная Теофрастом, в сложных словах означает нахождение рядом. Так что слово «Парацельс» скорее всего означало «близкий к возвышенному». Это не только звучало красиво, но и напоминало о его настоящей фамилии, первая часть которой тоже значила «возвышенный», но только по-немецки.

Доктор Теофраст фон Гогенгейм, окончив университет, работал военным врачом на нескольких войнах. Набирая опыт, он больше восьми лет скитался по разным странам, в основном по Европе. Где бы Теофраст ни оказался, он не только лечил больных, но и расспрашивал самых разных людей о способах лечения болезней и о лекарствах. Доктор ни у кого не стеснялся учиться и все записывал. Короткие записи удавалось обработать, когда появлялись условия для спокойной работы, иногда лишь через несколько лет.

Зальцбург был в то время столицей архиепископства, входившего в Священную Римскую империю. Этот город, знакомый Теофрасту с детства и расположенный среди живописных гор, выглядел изумительно уютным и симпатичным. С пейзажами Теофрасту повезло с детства. Здесь его тоже ждали горы и сочные зеленые луга, горные озера с чистой водой бирюзового цвета. Зальцбург – благополучный, тихий и спокойный город. Во всяком случае, таким он казался тогда Теофрасту. В нем было бы неплохо остаться навсегда.

Приехав в Зальцбург, Теофраст нашел постоянный двор Кристофа Риса и познакомился с хозяином. Доктор выглядел скромно, был невысоким, хрупкого сложения и не обладал привлекательной внешностью. Волнуясь, он слегка заикался. Но опытному хозяину новый гость понравился. Теофраст показался ему человеком незаурядным, быстрым, решительным и целеустремленным.

– Вы надолго в наш город? – осведомился Кристоф.

– Не знаю, как получится. Пока проживу у вас. Хотелось бы оборудовать алхимическую лабораторию.

– А зачем она вам? Вы же врач!

– Я люблю сам готовить свои бальзамы, порошки и микстуры.

– Хорошо, я познакомлю вас с аптекарем, – улыбнулся Кристоф. – Думаю, он вам поможет.

Теофраст оставил коня и вещи на постоялом дворе и пошел к рыночной площади. После возвращения из странствий он прославился удивительными исцелениями. Его слава доктора и мага росла день ото дня и всюду обгоняла его. «Парацельс! К нам приехал Парацельс!» – эти крики его вначале удивляли, но потом стали привычными. Когда он проходил по рынку, до него доносились обрывки разговоров.

– Берта, – спросила соседку торговка овощами, – ты слышала, что к нам приезжает доктор Теофраст?

– Да, и я его уже видела! Он лечит больных водянкой, падучей, французской болезнью и даже проказой.

– Красивый мужчина? Статный?

– Я бы не сказала. Но в нем, определенно, что-то есть.

– А он женат?

– По слухам, у него только одна жена и она же любовница – это его наука. Многие уверены, что он колдун. Во всяком случае, он знает секрет, как делать золото.

– Золото?! Не может быть!

– Да, настоящее золото! Он как-то взял пакетик с фиолетовым порошочком и с его помощью превратил сто фунтов свинца в самое прекрасное и чистое золото. А еще он умеет выращивать в ретортах жемчуг!

– Жемчуг? Я видела у одной дамы такие бусы. На зеленом платье. Красиво!

– Да! И любые драгоценные камни.

Разговор становился интересным, и в него включились девушки из ряда напротив – Марта и Клара.

– А что у него в рукоятке меча?

– Говорят по-разному. Кое-кто считает, что там маленький демон и он Теофрасту прислуживает.

– Ну, это уж слишком!

– И я не верю. Я слышала, там какое-то лекарство. От любой хвори мигом избавляет.

– Точно, там эликсир вечной молодости. Он дарует бессмертие и возвращает старикам молодость.

– Нет, там спрятан философский камень!

– А что это такое?

– С ним можно все превращать в золото. Даже простое железо.

– Он богат? А почему же так просто одевается?

– Не хочет, чтобы знали о его богатстве. Столько стало лихих людей! Рыцари, и те нападают на купцов и грабят их...

Теофраст после долгой дороги выглядел усталым; его выдававшая виды одежда была в пыли. Доктора обычно одевались богато и ярко – и на улицах города, и у постели больного. У

них были плащ красного или черного цвета с капюшоном и широкими рукавами, малиновый берет или широкополая шляпа и золотое кольцо, которые вручались им вместе с дипломом доктора медицины. Мантия и перстни на пальцах украшались драгоценными камнями. О Теофрасте же говорили, что он одет скорее как кучер. И так же, как кучер, обычно он носил с собой меч – для защиты от нападения на дорогах. Шарообразная головка меча отвинчивалась, и никто не знал, что в ней спрятано.

Стирать одежду ему было некогда. Когда она изнашивалась, Теофраст просто ее выбрасывал и покупал новую. Даже в новой дорогой одежде он – странное дело! – не выглядел элегантно. Времени чертовски не хватало, и он брал первое, что попадалось под руку. В сущности, ему было наплевать на то, как он выглядит. Он и у других не замечал, во что они одеты, зато мгновенно и прочно запоминал их лица, имена, слова. Кого, как и от чего он лечил, Теофраст цепко держал в памяти.

По дороге вокруг него быстро росла толпа. Тут были и прилично одетые люди, но больше калеки в рубище, хромые, слепые, бродяги, нищие, у которых за душой не было ни гроша. Все знали: доктор никому не отказывает в помощи и многих бедняков лечит бесплатно. Доход ему приносили лишь знатные и обеспеченные пациенты. Люди на улице ссорились из-за того, кто пришел раньше, загораживали дорогу Теофрасту, а некоторые хватили его за одежду и хотели хотя бы к нему прикоснуться. Он торопился, но кое-кого все же успевал выслушать. Фокусника Петера из бродячего цирка Теофраст узнал и с ним на пару минут остановился. Странное дело – гость разговаривал с Петером как старый приятель.

Доктор громко объявил: «Спокойно, спокойно! Передайте всем: я найду место и скоро начну принимать. О начале приема дам знать на постоялом дворе Риса. Приходите с утра, только без криков, по очереди!»

Теофраст зашел в ратушу к секретарю городского совета Михаэлю Зецнагелю с просьбой предоставить ему статус гостя города. Зецнагель получил образование в Венском университете, где побывал и Теофраст. У них нашлись общие знакомые, и секретарь встретил приезжего доброжелательно: «Мы о вас слышали. Так что препятствий быть не должно. Но последнее слово за Лангом – без него у нас ничего не решают».

Он гордился своим начальником и не упустил случая рассказать о нем гостю. За пять лет до этого, в 1519 году архиепископский престол в Зальцбурге занял кардинал Маттеус Ланг фон Велленбург, любимец императора Максимилиана I. Он был родом из обедневшей дворянской семьи в Аугсбурге. По слухам, Ланг поступил на службу в канцелярию императора с помощью своей красавицы-сестры. Та была в близких отношениях с герцогом, гофмейстером императрицы, и это, по-видимому, дало первый импульс карьере Ланга. Он оказался способным и стал одним из самых важных лиц в Священной Римской империи. При императоре Максимилиане Ланг был его канцлером, а при сменившем его Карле V остался одним из главных министров. Он был известен как юрист и дипломат, участник международных переговоров.

– Наш кардинал любит искусство, музыку и ценит образованных людей. Он старается привлекать их в свое окружение. Его дом стал своим для поэтов, – улыбнулся секретарь. А потом поморщился и добавил: – К сожалению, не все горожане отдают ему должное. Но пусть злые языки болтают! Ланг правит твердой рукой. Вы же понимаете, как в наше беспокойное время важна стабильность! Кардинала высоко ценят император и папа римский. Благодаря ему Зальцбург богатеет.

В необъятной, раздробленной, лоскутной империи Зальцбургское архиепископство по запасам руд превосходило многие страны Европы. Здесь получали не только соль, давшую название Зальцбургу («соляной город»), но и золото, серебро, медь, свинец, железо и серу. Телеги с грузами одна за другой двигались через перевал в Альпах. Зальцбург был центром оживленной торговли между Севером и Югом.

* * *

У дверей кабинета Теофраста возникла давка при первом же приеме больных. Толпа шумела. Вышел слуга Штефан и всех успокоил. Слушая разговоры в очереди, он с трудом скрывал удивление. Кто-то рассказывал, что Теофраста изгоняли несколько раз из Литвы и Польши.

– И это все из-за колдовства?

– Я слышала, ему 120 лет, а выглядит он лет на 30!

– Неужели?

– Да! Он придумал эликсир молодости. Вначале провел опыт на себе, а потом на семидесятилетней служанке. Теофраст каждое утро на рассвете выпивал стопку белого вина с эликсиром. Через две недели он почувствовал, что дело пошло. Дал эликсир служанке – у нее через неделю появились месячные, как прежде. Она испугалась и бросила пить эликсир. Тогда он стал подмешивать свое зелье в корм старой курице. Та вначале потеряла перья, зато потом у нее выросли новые, красивее, чем были. И она опять стала нести яйца!

– Откуда же доктор Теофраст научился своим секретам? Не иначе как от дьявола!

– Говорят, он пять лет бродил вместе с цыганами. От них и набрался – в тайных знаниях ему нет равных.

– Ну что ты, он же был врачом в армии! Попал в плен к туркам и жил в Константинополе.

– А что он там делал?

– Был евнухом и лекарем в гареме у персидского шаха. Он выведал все тайны на Востоке, у этих... ну, у арабов. Сам Соломон Трисмозин, который прожил 150 лет, открыл ему секрет философского камня. Теофраст вылечил шахского сына и за это получил свободу.

– Евнухом? Не может быть! Им же интересуются дамы!

– Да, он недавно получил письмо от одной знатной дамы из Дании. Он близко знает датского короля.

– Доктор и в Дании был? А как же он успел столько стран объездить?

– На летающем коне. Мой Карл говорит, он повидал весь мир. И в Тартарии побывал.

– В Тартарии? Как же он выдержал такие морозы? Там люди на зиму впадают в спячку.

И даже бегемоты в реках замерзают!

– Какой ужас!!!

К наплыву больных доктор привык. С чем только к нему не приходили! Опыт военного врача позволял ему при необходимости применять нож. В молодости он работал в химических лабораториях на рудниках и увлекался алхимией. Врачи питали к ней недоверие, однако он был знаком с широким арсеналом химических средств. Вопреки слухам, Теофраст нередко использовал лекарственные травы и их смеси, но с помощью знакомых алхимикам операций – экстрагирования и перегонки – стремился выделить из них действующее начало. Наряду с этим он прописывал лекарства, которые готовил сам в своих колбах, например медный и железный купорос, соединения сурьмы и мышьяка, цинка и ртути... Чаше Теофраст пускал их в ход при наружных болезнях.

Применять новые лекарства было рискованно. Но не мог же он изменить самому себе, предать науку, которой служил! Неужели ему суждено топтаться на месте, повторять цитаты из сочинений многовековой давности? К этому привыкли почти все коллеги Теофраста. Требовался опыт, но на ком он мог экспериментировать? На людях? Это был бы верный шанс прослыть колдуном и попасть в руки инквизиторов. Что-то он мог при случае подмешать в корм цыплятам, курам, бродячей кошке или собаке. А что-то испытать на самом себе. Подопытными объектами неизбежно становились иногда и больные, но все это были редкие, одиночные и рискованные опыты.

Теофраст хорошо знал восточную медицину, труды древних магов и мистиков. Об этом ходили разные слухи и мифы. Например, по пути в Индию он будто бы был захвачен татарами, побывал у великого хана и сопровождал его сына в Константинополь. Но об этом сам он никогда не рассказывал.

Пять лет тому назад, когда Теофраст начал работать лейб-медиком датского короля Кристиана II, он еще не чувствовал себя таким уверенным. Теперь же у него было все больше оснований доверять своим рукам и глазам. После того как он перешагнул через порог в 30 лет, его трудно было застать врасплох. Но кое-что не менялось – любому оборванцу в очереди он старался помочь не меньше, чем королю. Смерть была его вечным противником. Ему случалось проигрывать, но часто он побеждал. И со временем шансы на победу росли.

Его уверенность, невозмутимость и доброжелательность, манера беседы с больными, его улыбка и ободряющие прикосновения придавали им надежду и силу. Собственные руки были первым обезболивающим средством этого «доктора двух медицин», то есть терапии и хирургии. Он уже многое перепробовал – умел заживлять старые раны, останавливать кровотечение из носа компрессами из свежего укропа и тысячелистником или крапивной водой в ноздри, лечить воспалительные и кожные заболевания скипидаром, известью, препаратами мышьяка, серы и ртути, ожоги – настойкой можжевельника или свиным салом, при переломах костей накладывать льняную ткань, пропитанную яичным белком с добавлением муки.

Одной из первых пришла к нему Хельга, женщина средних лет. Она зарабатывала стиркой, но сейчас не могла за это взяться. Хельга двигалась, как старуха – согнулась, держалась за поясницу и кривилась от боли. «Давно это с вами?» – спросил Теофраст. – «Нет, только что прихватило. Может, простыла?» Теофраст постелил на пол коврик: «Раздевайтесь, не стесняйтесь. И ложитесь-ка на живот». Больная была растеряна: странный врач зачем-то встал босиком ей на спину. А потом начал осторожно переступать с ноги на ногу, вправляя позвонки. И все время спрашивал, как она себя чувствует. Хельга охала, стонала, но когда он помог ей подняться, острая боль вдруг прошла. «Осторожно, без резких движений!» Объяснив, как дальше лечиться, Теофраст проводил больную к выходу. Вправлять защемленный нерв он научился у одного банщика. Хельга ушла, выпрямившись, и никому не рассказала, как ее вылечили. «Смотрите! Смотрите! Чудо! Она только что была калекой!» – восторгались в толпе. Молва о еще одном чудесном исцелении привела к доктору новых пациентов.

Теофраст работал обычно с утра до ночи. Времени ему всегда не хватало. Днем он принимал больных, а поздним вечером или ночью вел свои записи. Доктору хотелось объяснить все, что он наблюдал в природе, вплоть до расположения светил, появления комет и затмения. У него накапливалась гора рукописей. В первом сочинении «Одиннадцать трактатов» он описал самые разнообразные болезни – от гриппа и ревматизма до желтухи и эпилепсии.

Как правило, на ночь Теофраст не ложился в постель, а сваливался на кровать одетым, иногда в сапогах со шпорами, и мгновенно засыпал. Часто ему доводилось спать не больше четырех часов. Он мог вздремнуть, а через 2–3 часа просыпался и снова хватался за перо. Свои сочинения доктор порой диктовал ученикам. Что такое отдых и покой, он не понимал. В компании возникали моменты, когда он казался отсутствующим, а дома он мог иногда что-то бормотать под нос или вдруг заговорить сам с собой.

* * *

Первые месяцы в Зальцбурге Теофраст прожил на постоялом дворе. Хозяин Кристоф Рис был еще и совладельцем рудника. Он получил высшее образование в Ингольштадте и был одним из самых уважаемых людей в городе и членом городского совета. Кристоф подружился с новым постояльцем.

О Теофрасте ходили слухи, что он предпочитает встречаться не с коллегами-врачами, а с возчиками, бродягами и нищими, отъявленными пьяницами. Среди врачей у него, в самом деле, было мало приятелей. У большинства из них он вызывал отторжение своими новшествами в медицине. Но у него появлялись друзья из числа влиятельных горожан. Они учились в университетах, с ними можно было побеседовать о науке, философии и религии. Всех особенно волновали споры о вере – ведь в то время в Европе поднималась волна Реформации.

Чаще Теофраст общался с людьми низшего сословия, городской беднотой и ремесленниками. Иногда он позволял себе поздним вечером посидеть с ними за выпивкой в таверне «У золотого орла». Туда приходили также крестьяне и горняки из окрестностей Зальцбурга, странники, школяры и монахи. Их ему тоже доводилось лечить. Теофраст знал: если больной не доверяет врачу, то ему не помогут никакие лекарства. Врач должен понимать, как и чем живут его пациенты.

Он и сам был простым, хоть и образованным человеком. Хотя его отец Вильгельм Бомбаст фон Гогенгейм принадлежал к дворянскому роду, мать была свечницей в монастыре Айнзидельн из семьи крепостных аббатства. Конечно, в браке они не состояли, поэтому по закону и сам Теофраст числился крепостным. «Низкое» происхождение затрудняло ему получение городского гражданства. Этот врач и философ, не имея собственного дома, в глазах многих был бродягой. Он всю жизнь относился к низшему сословию и не случайно выбрал девизом латинское изречение: «Тот, кто способен быть сам собой, не принадлежит никому».

Теофраст странствовал почти без всякого имущества и нередко жил в нищете. Он легко находил общий язык с простыми людьми. Работа была главным содержанием их жизни, и на них держался мир. Ему нравились их простая речь, грубоватые шутки, открытый и веселый нрав. В таверне можно было услышать обо всех новостях, тут пили много пива и вина. Обильное угощение по праздникам скрашивало жизнь тем, кто постоянно недоедал, а пить пиво или вино было лучше, чем воду. Воду тогда не кипятили, и она вызывала желудочные болезни. Вино считалось лекарством – монах Роджер Бэкон в XIII веке говорил, что «оно помогает пищеварению и защищает организм от порчи».

* * *

В таверне «У золотого орла» было, как всегда, шумно. Теофраст сидел в кругу своей обычной компании. «Босоногий монах» Армин, проповеди которого собирали немало слушателей, рассказывал басню: «Волк подавился костью, аист его спас и попросил о награде. А волк отвечает: „Скажи спасибо, что я оставил тебя в живых. Это ли не награда?“ Так и наши богачи. Они пользуются плодами труда бедняков, а за добро платят злом». «Это правда! Они слуги дьявола!» – крикнули из-за соседнего стола. Школяры задорно запели старинную песню:

Выходи в привольный мир!
К черту пыльный книжный хлам!
Наша родина – трактир,
Нам пивная – божий храм!
Лишь когда я пьян мертвецки,
Веселюсь по-молодецки
И, горланя во хмелю,
Бога истово хвалю!¹

¹ Здесь и далее, если это не оговорено, песни вагантов приведены в переводе Льва Гинзбурга (Лирика вагантов. М., 1970; Из немецкой поэзии: Век X – век XX. М., 1979).

Людей постарше неуважение к божьему храму коробило.

– Нельзя хулить церковь! – поморщился Пауль из цеха ткачей. – Монахи учат наших детей. Где у нас грамотные люди? Прежде всего в монастырях!

Большинство гостей его поддержали. А оружейник Гервальд в ответ на это рассказал притчу: «Однажды священник в компании мирян встретил на дороге разбойников. Спутники стали защищаться, а священник и не подумал. Он оправдывался: „Я не мужчина и не должен защищать себя“. Пошли они дальше и встретили проститутку. Решили, что каждый выберет свою. Священник: „А мне почему нет?“ – „Так ты же не мужчина!“ – „Но у меня ведь есть то, что носит при себе каждый мужчина!“». Слушатели смеялись.

– А нынче надо же, что придумали: отпущением грехов торговать! – послышался чей-то голос.

– Замолчи! – тут же одернули его и шепнули: – Берегись доносчиков!

Они в самом деле были всюду. Доносить было выгодно: за это можно было получить дом жертвы или другое имущество. За соседним столом, вблизи от Теофраста вагант, странствующий поэт, начал тихонько, почти шепотом читать стихи:

Все христианство погрязло в грехах
Из-за того, что творится в верхах.
Архиепископ в Великую Пятницу
В грязном притоне ласкает развратницу...

– Это уж слишком! – покачал головой Симон, торговец солью. – Скоро вы самого папу хулить начнете!

– Неужели это стихи о нашем архиепископе? – спросил Теофраст.

– Нет, – ответили ему. – Наш совсем не такой. Но его в городе не любят.

Архиепископ Зальцбургский, кардинал Ланг, умел ценить мирские удовольствия и, как и другие князья того времени, не отличался моральной строгостью. Тем не менее любовниц и фаворитов при его дворе не было.

Разговор переключился на Ланга. Впрочем, кузнец Томас, по виду немолодой, начал свой рассказ с его предшественника – Леонхарда фон Кёйчаха. Тот еще 13 лет тому назад зимой пригласил бургомистра и членов городского совета к себе на обед. Там их связали, бросили в сани и арестовали. Дело кончилось тем, что жителям Зальцбурга пришлось отказаться от права выбирать городскую власть.

Ланг стал правителем города недавно. Но он оказался еще круче – отменил старинные привилегии и повысил налоги на горожан и крестьян. Его двор себе ни в чем не отказывал. Далеко за пределами Зальцбурга Ланга знали как умелого руководителя, который укреплял свое государство. Он получил хорошее образование, но проявил себя консерватором. Придворные поэты его прославляли, но Ланг был жаден, жесток и не имел друзей. Другие князья и прелаты не любили его и называли «выскочкой».

Ланг удерживал свой пост больше 20 лет и правил до самой кончины в 1540 году. Жители Зальцбурга проклинали его за поборы, за приверженность старой католической вере, за гордость и надменность. В то время ходила поговорка: «Городской воздух делает свободным», но в Зальцбурге этого воздуха людям не хватало.

В прошлом, 1523 году горожане намеревались вернуть себе свои права и изгнать Ланга. «Пусть он уедет из города на ослике – таким же бедным, каким приехал в Зальцбург, без роскоши и богатства!» – требовали они. Кардиналу пришлось бежать в Тироль, и только с помощью австрийского эрцгерцога Фердинанда и вооруженных наемников он сумел восстановить свою власть. Ланг вернулся в Зальцбург победителем – в латах и на белом коне. В архиепископстве был установлен жесткий полицейский надзор.

Зальцбургский устав XVI века гласил: «Фальшивомонетчика сжигают или сваривают. Если крещеный иудей снова обратится в иудаизм, то его надлежит сжечь без всякого суда». Неверных жен полагалось зарывать в землю живыми. К смертной казни приговаривали и тех, кто отрицал девственность Девы Марии, не признавал существования чистилища или отвергал причастие. По указам Ланга еретиков за неуважение к церкви можно было бросить в подземелье или выслать из страны.

Крестьян больше всего возмущало то, что у них отняли право пользоваться дарами природы, как это веками делали их предки. Все кругом захватили феодалы – в результате простые люди не могли свободно охотиться, ловить рыбу, собирать в лесу дрова для печей.

Ланг требовал строжайшего исполнения крепостных повинностей. Однажды крестьянин убил оленя, который вытапывал его поле. Феодалам и тем более кардиналу нельзя было мешать охотиться. Владыка повелел зашить крестьянина в кожу убитого животного и отдать на растерзание собакам. Ланг превратил Зальцбург в оплот католицизма. Он не допускал инакомыслия и безжалостно расправлялся с протестантами, сторонниками Лютера. Десятки людей казнили по его личному указанию. Виселица на видном месте в городе не простаивала. Правитель Зальцбурга вел непримиримую войну на два фронта: против Реформации и против своих подданных.

* * *

Ситуация в Зальцбурге оказалась не такой безмятежной, как с первого взгляда показалось Теофрасту. Да и везде в те времена жизнь была сплошной чередой несчастий – неурожаи, голод, болезни, эпидемии, войны, грабежи и пожары. Людей стало больше, чем можно было прокормить при том уровне знаний и устройстве общества. Одним из самых сильных чувств человека был постоянный страх. Все жили в ожидании неминуемого Страшного суда, близкой смерти от чумы, войны или голода. Люди искали опоры в церкви, но до Реформации они слышали там проповеди только на непонятном для них латинском языке.

Смерть подстерегала на каждом шагу, но, что хуже всего, и после нее не было надежды избавиться от мук в аду за свои грехи. Церковь перечисляла их по восходящей линии: чревоугодие, прелюбодеяние, жадность, гнев, уныние, слабость, тщеславие и гордыня. Как повезло людям, что появилась возможность за любой грех уже при жизни получить у Бога прощение – купить индульгенцию!

Одним из первых стал торговать индульгенциями монах Иоганн Тецель. Кроме того, по указу папы такая торговля была разрешена банкирскому дому Фуггеров. У купца Якоба Фуггера из Аугсбурга, главного кредитора императора и папы, все были в долгу. Поэтому освобождение от грехов можно было купить в любом из филиалов его фирмы по всей Европе. Половина денег от продажи индульгенций поступала в Рим в папскую кассу, а половина – дому Фуггеров в уплату за кредит.

Теофрасту доводилось наблюдать на улице такие сцены. С балкона два монаха зазывали людей. Один крутил трещотку, а другой объявлял: «Покупайте индульгенции! Вы живете беззаботно, а что будет потом? На Страшном суде ваши души будут страдать за грехи! Но папа милостив. Как только монета упадет на дно и зазвенит, душа сейчас же полетит на небо! На вас снизойдет благодать Божья!» Внизу два монаха с копилкой в руках выкрикивали цены и принимали деньги.

По преискуранту Тецеля можно было «отмыть» за семь гульденов даже убийство, а за десять – убийство своих родителей. Теофрасту рассказывали, что кто-то задал Тецелю вопрос, можно ли заплатить за прощение будущего греха, который еще не совершен. Тецель согласился и взял деньги, но потом в лесу на дороге этот человек ограбил и избил его. А на прощание объяснил, что именно этот грех он имел в виду.

Придуманное церковниками выкачивание денег стало последней каплей, переполнившей чашу терпения прихожан. Их раздражало, что римские папы вели себя, как расточительные светские правители. Они имели обширный и роскошный двор, наделяли свою родню и внебрачных детей почетными должностями. Выгодные места продавались за большие деньги.

Парацельс родился в то время, когда привычный средневековый мир начал рушиться. В 1517 году ученый монах Мартин Лютер вывесил на дверях церкви в Виттенберге свои 95 тезисов, в которых объявил продажу индульгенций кошунством. Единственным авторитетом в делах веры стало для него Священное Писание. Он перевел Новый Завет на немецкий язык и на нем читал свои проповеди. Лютер потребовал урезать права папы, разграничить светскую и церковную власть. За это папа отлучил его от церкви. Лютер сжег папское послание и заявил: «Папа – антихрист, и его престол – седалище сатаны». Арестовать и примерно наказать бунтовщика не удалось – его укрыл в своем замке курфюрст Саксонии Фридрих. Не столь давно изобретенное книгопечатание позволило реформату распространить свои идеи, и он стал национальным героем Германии.

Немцы хотели быть независимыми от папского Рима, не содержать алчных епископов и аббатов, а многие князья точили зуб на обширные церковные владения. Католическая церковь разделилась. Стремясь вернуть церковную общину к евангельским временам, когда не было иерархии, сторонники Лютера считали себя истинными или евангельскими христианами. Католики же называли их еретиками или лютеранами². Некоторые жители Зальцбурга, в том числе горнозаводчики, завязали контакты с Лютером.

В августе 1524 года, вскоре после приезда в Зальцбург, Теофраста вызвали на дом к Иоганну Штаупицу, аббату монастыря Святого Петра, известному ученому-богослову и близкому другу Лютера. Аббат болел уже около двух недель, и его лечил местный доктор Ринг. Больному становилось все хуже, поэтому Штаупиц и его секретарь Бартоломео решили пригласить обоих врачей вместе.

Служанка провела Теофраста к постели больного, где доктора ждали Бартоломео и Ринг. Больной ночью почувствовал невыносимую боль в ноге, ему казалось, что ее жгут, жмут и разрывают на куски. Большой палец стопы опух, кожа над ним покраснела, а потом стала синеватой и горячей. Появился жар – служанка то и дело меняла у хозяина на лбу влажные полотенца. «Вы можете наступить на ногу?» – спросил Теофраст. «Нет, – простонал больной, – я не могу даже до нее дотронуться!» Теофраст осматривал его с осторожностью. В пробе мочи он разглядел помутнение, причем осадок был желтого цвета, с коричневатым оттенком. Новый врач достал из головки своего меча таблетку, растворил в воде и дал выпить больному. После этого Штаупиц успокоился и заснул.

Теофраст расспросил служанку о привычках аббата. Это был человек с хорошим достатком, любитель вкусно поесть и выпить. Хозяин, по словам служанки, пишет свои проповеди и трактаты, много сидит и мало двигается. Он любит мясо, наваристые бульоны, рыбную уху, пиво и красное вино. По предложению секретаря все трое мужчин перешли в другую комнату, чтобы не беспокоить больного.

– Господа, в чем вы видите причину болезни и как предлагаете ее лечить? – обратился к врачам Бартоломео.

– Мы имеем дело с подагрой, известной со времен Гиппократов, – заявил Ринг. – Причины мне ясны. Тучные и полнокровные люди, имеющие долговременные душевные беспокойства, не сообразуясь с оными, нередко предаются невоздержанностям. И оттого они более подвержены болезням, нежели другие. Мы с вами прекрасно знаем, коллега, что в организме человека

² Протестантами и реформатами (сторонниками Реформации) их стали называть позже, но для ясности мы будем использовать в книге эти современные понятия.

есть четыре гумора³ – кровь, флегма, светлая и черная желчь. К болезни приводит нарушение равновесия между ними. У аббата доктора Штаупица равновесие нарушено. У него избыток жизненных соков, а особенно главного из них – крови. Это опасно. И еще он пьет слишком много воды. Для удаления болезнетворного начала я даю больному слабительные, и ему делают клистиры. Кроме того, для восстановления равновесия в организме пациенту уже четыре раза отворяли кровь. Этого, очевидно, мало. Аббат, слава Богу, крепкого сложения, так что кровопускания непременно нужно продолжить. Вы, я полагаю, с этим согласны? – обратился он к Теофрасту.

– Нет, ни в коем случае, господин доктор Ринг! – отрубил тот. – Я согласен с вами только в том, что это подагра. Но пить ему нужно, напротив, больше. Разумеется, воды, а не красного вина. Нынешнее лечение лишь ослабляет больного. Если немедленно прекратить кровопускания, больной еще встанет на ноги, хотя лечение понадобится долгое.

– Как, вы против гуморальной теории великого Гиппократата? Вы несогласны и с Галеном? С самим Галеном, которого называли императором всех врачей?

– Да, безусловно! У Гиппократата, как и у Галена, были свои ошибки. Они жили так давно – почему же эти ошибки мы должны повторять? Над врачами из-за этого уже смеются.

– Неслыханная дерзость! А как же вы объясняете эту болезнь?

– На мой взгляд, в организме человека, как в реторте алхимика на огне, одни вещества превращаются в другие. Отходы выводятся из организма, но кое-что вредное может оставаться. Из-за неправильного питания и образа жизни превращения могут пойти в неправильном направлении. Я отношу подагру к болезням, которые называю тартарическими. Как в бочке с вином при хранении образуется тартар, винный камень, так при подагре в организме больного осаждаются соли, отчего образуются камни. Я предлагаю совсем другое лечение...

– Вы согласны с этим? – спросил Ринг секретаря.

– Нам с аббатом не остается ничего другого. Больного надо как-то спасать. Не поработаете ли вы вместе?

– Я? Признанный в городе врач – вместе с новичком, самозванцем и невеждой? С этим бродягой и оборванцем? Никогда!!! Заплатите мой гонорар и больше ко мне не обращайтесь!

Бартоломео рассчитался с Рингом, и тот ушел. Теофраст выписал и отдал секретарю рецепт мази против боли в ступне. Бальзам состоял из скипидара, горького коричневого масла, мелко натертого венецианского мыла и виннокаменной соли. Потом врач объяснил, какой должна быть правильная диета и что это исключительно важно для больного. Надо было ограничить в еде мясо и сою, бобы и чечевицу, чаще есть все молочное, кашу и печеные яблоки.

– Вам придется отказаться от своих привычек, – настаивал врач в беседе с больным. – Есть хорошие рецепты, которые придуманы давно:

Ужин чрезмерный отнюдь не полезен для наших желудков...

Если врачей не хватает, пусть будут врачами твоими

Трое: веселый характер, покой и умеренность в пище.

Через две недели больному стало заметно лучше. Острая боль исчезла. На вопрос Теофраста: «На что вы жалуетесь?» – Штаупиц ответил: «В моем возрасте жаловаться на здоровье неприлично. Когда я нарушаю диету, нужно жаловаться на самого себя. Иногда ничего не могу с собой поделать».

Аббату было уже 63 года – по тем временам глубокий старик. Теофраст рано научился читать и легко запоминал целые страницы. Ему не раз встречались жалобы на убогость в старости: «Когда человек доживает до 60 лет, глаза мутнеют, в ушах появляется глухота, нос течет,

³ Гумор – сок организма (от лат. humor – влага).

волосы выпадают, члены тела дрожат. Старик всегда до смерти опечален, он хвалит старое и отвергает новое. Старость сопряжена с нищетой, полна слабостей и злобы».

Все это не вязалось с обликом аббата. Врачу он был симпатичен: обаятельный, с добродушным круглым лицом и живым умом, не теряющий иронии и интереса к жизни. Своих детей у Штаупица не было, и доктор по возрасту годился ему в сыновья. Аббату нравилось опекать нового врача и беседовать с ним.

– Я слышал, что ты, Теофраст, побывал в далеких восточных странах. Одни говорят, что ты пять лет путешествовал с цыганами, чтобы выведать их тайны. Другие рассказывают, что ты провел восемь лет в плену у татар, а два года назад в Константинополе получил философский камень. Неужели это правда?

– Вы позволите мне ответить, ваше преосвященство? Я, в самом деле, много странствовал, побывал в Литве, Польше, на Родосе, в Валахии, Славонии, Франции, Испании и Португалии, был армейским врачом в Нидерландах, Италии и Дании. Молва рассказывает обо мне немыслимые чудеса. В том числе о путешествиях, которых я не совершал. Но я не колдун, не язычник и не цыган. Я истинный христианин. Ежели кто-то хочет распространять обо мне небылицы, то пусть болтает. Порой даже неплохо, когда мне приписывают пребывание не там, где я нахожусь.

– Молодым людям свойственно путешествовать. Но тебе уже больше тридцати лет. Разве можно всю жизнь есть в придорожных харчевнях? Ночевать на постоялых дворах? Неужели тебе не хочется иметь свой дом, семью, свой сад? Ведь у тебя нет ни своего экипажа, ни коня!

– Это истинно так, ваше преосвященство. Некоторые презирают меня за то, что у меня нет постоянного обиталища, где бы я мог сидеть за печкой и давить вшей. Однако учиться надо всю жизнь. Врач должен уметь собственными глазами читать книгу природы и понимать написанное в ней. Я ищу знаний, как паломники с посохом.

– Но ты же окончил университет!

– Да, в Италии, в Ферраре. У меня были хорошие учителя. Но в университетах я не нашел того, что искал. Всюду учат по старым книгам, цитируют древних классиков... Если бы я лечил всех по рецептам Авиценны, мне нечем было бы хвалиться. Я собирал свои знания на дорогах и многое узнал – от лекарей и алхимиков, от цирюльников и мудрых старых женщин, которые знают толк в травах. Знание никогда не будет само бегать за нами. Учителя, который раскроет тайны природы, нельзя найти в углу своей комнаты.

– Однако те, кто остается дома, живут спокойнее и богаче, не так ли?

– Конечно, ваше преосвященство. Но я не гонюсь ни за спокойствием, ни за богатством, ни за карьерой и почестями. Счастлив тот, кто путешествует и у кого нет ничего, о чем бы нужно было заботиться.

Штаупиц интересовался новинками медицины – не придумали ли что-нибудь новое от его болезни? Или, что еще лучше, от старости? Он полюбопытствовал:

– Правда ли, что ты нашел великий магистерий, средство от всех болезней?

– Нет, это пока только мечта. Похоже, что у каждой болезни есть своя причина и свое средство лечения. Я ищу новые лекарства и стремлюсь улучшать старые. Не исключено, что люди научатся получать вещества, которых нет в природе...

– То есть такие, которые не созданы Богом?!

– Бог – лучший целитель, ваше преосвященство. Он создал все необходимое на земле для лечения любых болезней. Если не готовые лекарства, то исходные вещества для их приготовления. Мы, врачи, должны понять его волю. Нельзя все упрощать: против тепла – холод, против влаги – сухость и так далее. В причинах болезней и способах лечения надо разбираться. Работы хватит всем, и надолго.

– Вот как? А что ты считаешь самым трудным?

– Труднее всего начало. Как убедить ученых встать на этот путь? Алхимики одержимы идеей превращать другие металлы в золото. Им нет дела до получения лекарств. А большинство врачей, моих коллег, слышать не хотят о какой-то химии: она, мол, чужеродна человеку и противна Богу. Простите, ваше преосвященство, с этим я не могу согласиться. Все созданное Богом есть сплошная химия, ибо и в человеке, и в природе вокруг постоянно происходят превращения.

«Какой интересный человек! Правда, слишком ершистый и бескомпромиссный. Врачи жалуются на его неуживчивость, – размышлял аббат. – Впрочем, мой ученик Мартин – тоже не ангел. Теофраста называют неудачником, но это настоящий фанатик». Жить рядом с такими непросто, но аббат знал, что науку двигают вперед именно такие люди.

Через несколько дней Штаупица вызвал к себе архиепископ Ланг, чтобы обсудить, как лучше организовать наступающий в городе праздник. Именно Ланг пригласил аббата в Зальцбург из Виттенберга. Штаупиц стал его придворным духовником и советником, а затем – аббатом важнейшего для города бенедиктинского монастыря Святого Петра. Ланг не допускал инакомыслия, но доктора Штаупица ценил. Хотя последний был не просто сторонником Лютера – он был его духовным отцом и защитником и постоянно с ним переписывался. Аббата уважали и за пределами Зальцбурга – не только за образованность, но и за его добрый нрав.

Несмотря на покровительство Ланга, Штаупиц признавался в письме приятелю в Эрфурте: «Я чувствую себя здесь, как заключенный». Он ценил ум и деловитость кардинала и старался не замечать его упрямства и жестокости. Аббат со всеми умел уживаться.

– Говорят, вы лечитесь у нашего нового врача, господина Гогенгейма. Я слышал о нем разные отзывы. А что вы о нем думаете? – спросил кардинал.

– Он толковый врач и предан медицине. Мне кажется, мастер своего дела, – ответил аббат.

«Вот как!» – только и сказал Ланг, но эта короткая реплика повлияла на положение Теофраста в городе.

* * *

В Зальцбурге Теофрасту удалось найти себе постоянный заработок. Слух о том, что он вылечил сторбленную Хельгу, распространился по городу. Ганс Рапль, владелец лучшей бани в городе, предложил Теофрасту работу врача при бане и хорошую оплату. В свободные часы доктор мог у себя в кабинете заниматься сочинением своих трудов. Он был сторонником гигиены и чистоты, и ему не раз приходилось убеждать потную, грязную и непросвещенную часть населения в полезности мытья и купанья. Он умел сам варить мыло, известное лишь с недавнего времени. Многие привыкли к дедовскому способу вместо него добавлять к воде золу.

В бане с любителями париться могло случиться всякое, и врача было полезно иметь под рукой. Рапль вскоре подыскал Теофрасту жилье вблизи от бани – в доме Вольфганга Бюхлера на Кумпфмюле (в нынешнем переулке Пфайфергассе)⁴. Теофраст забрал на постоялом дворе вещи и перебрался туда. Он оборудовал лабораторию, и жить стало удобнее. С Гансом Раплем они быстро перешли на «ты» и подружились.

Бани охотно посещали и богатые, и бедные, только с разной частотой. Не мог же каждый горожанин иметь дома ванну или устроить у себя дома такой великолепный купальный зал, как во дворце Фуггеров в Аугсбурге или у кардинала в Ватикане, украшенный картинами и фресками знаменитых художников! Считалось, что ради здоровья надо ходить в баню почаще и сидеть там подольше. Состоятельные люди приходили туда обычно два раза или хотя бы раз

⁴ О пребывании здесь Парацельса напоминает мемориальная доска, установленная на доме в 1937 году.

в неделю и перед праздниками. Самых бедных Рапль приглашал три раза в году бесплатно. В эти дни они могли не только помыться, но и постричь волосы и бороду.

Простые горожане сами терли друг другу спину, а богатых оттирали от пота и грязи слуги. В чан, где гость мылся, на дно кидали камни, нагретые на печке, а потом наливали воду – эти камни тоже приносили слуги. Посетители сидели в чане на табуретках, обычно по двое, друг напротив друга за длинным узким столом. В баню приходили не только помыться – она была местом общения и способствовала душевному здоровью. Баня вылечивала даже от тяжелой меланхолии. Она служила одновременно клубом, концертным залом, парикмахерской, рестораном и амбулаторией.

В парилке гости часами потели под особым колпаком, но Теофраст объяснял им, что во всем нужна мера. Ванна с водой была намного дороже и доступна не всем. В чанах с теплой водой гости сидели еще дольше. Им приносили еду и напитки, и они беседовали друг с другом. При этом их развлекали в зале музыкой и пением. Мужчины носили набедренную повязку – ремень вокруг пояса и свисающую впереди полосу материи, а женщины – повязку из тонкой материи, обвязанную вокруг шеи и оставляющую открытой спину. Часто мужчины и женщины мылись вместе и сидели в одном и том же чане. Женщины, собираясь в баню, изысканно одевались и надевали свои лучшие украшения.

Баня не была семейным развлечением. Напротив, она могла привести к крушению брака. Тут появлялись красивые, разбитные девицы, искавшие клиентов побогаче, совершались измены, возникали любовные треугольники. Некоторые бани служили тайным публичным домом, а банщики в них подрабатывали сводничеством. Впрочем, у бани Рапля была хорошая репутация. В ней порой завязывались знакомства, приводившие к созданию семьи. На свадьбах по окончании застолья все вместе шли в баню: жених с группой приятелей, а невеста в окружении подруг.

Слуги в бане топили печь, связывали веники и плели для гостей банные шляпы из соломы, чтобы волосы не падали на лицо. Банщики ценились выше слуг. Они должны были уметь делать массаж, рвать зубы, ставить банки и пускать кровь – эти операции давали владельцу бани главный доход. Иногда банщики умели еще стричь и брить. Ремесло банщиков вначале слыло нечистой профессией, но постепенно становилось уважаемым. На банщика, как и на цирюльника, надо было учиться и сдать нелегкий экзамен, показав свое мастерство.

В ряду работников бани Теофраст занял на служебной лестнице самую высокую ступеньку. Он вправлял кости и учил банщиков массажу и простым хирургическим операциям. Сам он проводил более сложные операции и консультировал посетителей. Доктор следил за тем, чтобы в баню не пускали больных с заразными кожными болезнями, иначе потом ему приходилось их лечить. Теофраст первым стал применять серу для лечения от чесотки. В бане встречались самые разные люди, и тут всегда можно было узнать городские новости. Работа у Рапля помогла доктору расширить круг знакомств и приобрести новых пациентов.

* * *

Обстановка в Зальцбурге не очень-то благоприятствовала спокойной работе Теофраста. Выступление Лютера о «порче церкви во главе и в членах» явилось началом Реформации. Идея независимости общины верующих от папы и церковных иерархов зародила у простых людей веру в возможность перемен. Проповедники рассказывали крестьянам, что, по убеждению Лютера, все люди свободны. Для крестьян это звучало как призыв к освобождению от крепостной зависимости. Летом 1524 года во всей Центральной Европе вспыхнули восстания. Началась Великая крестьянская война, не обошедшая стороной и Зальцбург.

Штаупиц после лечения спал лучше, чем раньше. Как-то раз после ухода Теофраста ему приснился отличный сон. Аббат видел себя в Виттенберге, где восхищались смелостью Мар-

тина Лютера: «Ваш ученик привел в движение весь мир!» Главное же место во сне занимал курфюрст Саксонии Фридрих Мудрый. Курфюрст старался не участвовать в религиозных спорах, но стал главным защитником Лютера после его осуждения на сейме в Вормсе.

Фридриха не случайно прозвали мудрым – он много читал и общался с учеными. В 1519 году после смерти императора Максимилиана курфюрсты предложили Фридриху выбрать его императором, но он отказался от короны в пользу испанского короля Карла V, сына Максимилиана. Удивительный поступок! Фридрих добился того, что в Саксонию отовсюду стремились паломники. Это приносило правителю богатство и славу. Курфюрст собрал у себя в Виттенберге богатейшую коллекцию христианских реликвий и других редкостей. Она в 1520 году насчитывала уже больше 19 тысяч предметов, но Фридрих, не жалея ни времени, ни сил, продолжал ее расширять.

Среди реликвий были уникальные предметы: зуб святого Иеронима, скелет умерщвленного в Вифлееме младенца, обломки камня, с которого Христос вознесся на небо, веточка от охваченного пламенем тернового куста Моисея, сено из святых яслей, кусок хлеба с Тайной вечери, молоко Девы Марии, волосы с голов святых и многое другое. Большой палец руки святой Анны Фридрих привез сам из паломничества в Иерусалим. Подлинность вещей была удостоверена церковью. По определенным дням и праздникам реликвии выставлялись в придворной церкви – соборе Всех Святых в Виттенберге. Прихожане поклонялись им, молились и за определенную плату получали освобождение от длительных мытарств души в чистилище.

Во сне Лютер, любимый ученик Штаупица, попросил своего учителя помочь Фридриху приобрести останки 11 тысяч христианских дев, которые были казнены в Кёльне язычниками-гуннами – их мощи хранились в монастыре Святой Урсулы в том же городе. Это позволило бы одним махом резко увеличить ценность собрания. Хотя Лютер издевательски называл святые мощи «чертовыми игрушками», он хотел помочь Фридриху Саксонскому – своему союзнику. Штаупиц добился согласия на это папы римского. Фридрих дружески обнял аббата и вручил ему за это ценную награду. Это было прекрасно! Но как раз на этом самом интересном месте сон оборвался. Он был приятным – проснувшись, аббат блаженно улыбнулся.

Собственно говоря, в действительности всё так и было – за исключением концовки. Дело в том, что настоятельница женского монастыря в Кёльне отдать реликвии не захотела. Ей представили копию папского разрешения, но она сослалась на то, что документ не был заверен подписью и печатью. Понадобился оригинал письма папы от самого курфюрста Фридриха, но дело затянулось, и курфюрст умер.

Осень 1524 года была полна тревог, и дом аббата казался последним островком спокойствия. Штаупиц увлекался магией. После завтрака он читал старинную книгу о чудесных исцелениях, совершенных святым Вальбургисом еще в IX веке. Этому святому удавалось вылечить 54 из 60 различных болезней. Благодаря ему слепой Ротфрид, у которого на обоих глазах были бельма, вернул себе способность видеть одним глазом. Особенно сильное впечатление производила история мальчика из Брейсгау. Тот не мог ходить на ногах, а ползал в сидячем положении, отталкиваясь от земли руками. После того как мальчик побывал в церкви, его пятки, онемевшие и прижатые к ягодицам, почувствовали свободу, он впервые в жизни встал на ноги и почувствовал мягкую траву матери-земли.

Архиепископ Анно из Кёльна, объявленный святым в XII веке, даже после смерти на своей могиле творил чудеса, исцелив 307 человек. В том числе были спасены 123 ребенка, причем двух детей этот святой воскресил из мертвых. Да, не зря говорят проповедники: «Внимайте, братья! Кто в болезни поспешит в церковь, получит не только здоровье для своего тела, но и отпущение грехов, так что нас ожидает в церкви двойная польза».

Штаупиц заинтересовался отношением своего доктора к религии. Сидя у камина, он подвинулся поближе к огню и спросил:

– Скажи-ка, Теофраст, кто был в школе твоими первыми учителями?

– Монахи, ваше преосвященство. Меня учили грамоте, латыни и богословию при монастыре Святого Павла в Лаванте, недалеко от нашего Филлаха. Спасибо им всем. Я благодарен святому отцу Николаусу Капсу. У него был епископский посох, подаренный самим императором.

– О, Капс! Я его помню... Он отказался от своей должности в пользу Ланга. А последние годы прожил в Зальцбурге, – заметил аббат.

– Да. Он впервые познакомил меня с этим городом.

«Как жаль, что к нему уже не зайти!» – подумал доктор.

– Мне сказали, Теофраст, что тебя редко можно встретить в церкви. Это неприятно слышать.

– Простите мне мой грех, ваше преосвященство. Я закрутился и не успеваю спасать больных, а это дело, угодное Богу. Постараюсь исправиться.

Теофраст был верующим, однако, давая обещание, лукавил. У него были свои взгляды на религию, о которых в разговоре с аббатом опасно было даже заикаться. Он полагал, что церковь должна в корне измениться: «Здания, воздвигнутые человеком, не более, чем камни. Все храмы, церкви и прочие постройки... в конце концов исчезнут. Сохранится лишь тот храм, в котором Бог устроил себе жилище. И этот храм – человек». То есть Бог должен быть у человека в душе, а не там, где иконы. Он считал для себя бесполезными хождение в церковь, исповедь, причастие и прочие обряды. С Богом можно общаться и без посредников. Что толку повторять молитву «Отче наш» тому, у кого сердце остается глухим к Божьим заповедям?

– Я слышал споры о вере между мельником и угольщиком, – осторожно вымолвил Теофраст. – Мне кажется, христианин должен постоянно размышлять и научиться отличать правду от лжи, справедливость от несправедливости...

– Можно ли позволить толкование Библии мельникам и угольщикам с их образованием?! – удивился Штаупиц. – Я как-то в деревне спросил пастуха, знает ли он Отца, Сына и Святого Духа.

– И что же он ответил?

– «Мне ли не знать отца и сына: я ведь пасу их овец! А вот об этом третьем, ну, как его... первый раз слышу. В нашей деревне нет никого с таким именем».

– Да, неграмотных много. Их гораздо больше, чем грамотных.

– Теофраст, а кто тебе ближе – католики или сторонники Лютера?

– Я не присоединяюсь ни к тем, ни к другим. И за это все меня ругают. Я остаюсь католиком, ваше преосвященство.

Это была правда. Многие из друзей Теофраста были протестантами, но он формально оставался католиком.

– А как ты относишься к Лютеру? – любопытно спросил аббат.

– Я в марте послал ему письмо о том, как толковать первые пять глав Евангелия от Матфея. Ответа пока нет. Он призвал к обновлению церкви и проявил редкую смелость.

Теофраст был кое в чем не согласен с Лютером, но не хотел расстраивать больного.

– Если позволите, ваше преосвященство, я скажу, что у каждого есть свое дело. Лютер занимается обновлением церкви. Мое же дело – обновление медицины.

– Я дружу с Лютером, хотя служу католической церкви, – заметил аббат. – Я еще девять лет назад в проповедях в Нюрнберге осудил продажу индульгенций. Но когда Мартин сжег папскую буллу, кардинал потребовал, чтобы я признал главенство папы. Пришлось уступить. Я приглашал Мартина переехать ко мне в Зальцбург, но он остался в Виттенберге. Я надеюсь, что католики и реформаты в конце концов найдут общий язык.

Через несколько месяцев в Зальцбурге начались народные волнения, Штаупица это беспокоило. Он обратился к Теофрасту:

– Говорят, ты работаешь сейчас над новым сочинением?

– Да, «О Святой Деве Марии и Богородице». Я пишу об отношениях людей, о роли женщины в обществе...

Упомянув Деву Марию, Теофраст тотчас же, как было принято, перекрестился. Этому сочинению суждено было стать его первой опубликованной работой.

– О, Святая Дева – очень важная тема! Мария – наша вечная заступница на небесах, прощающая наши грехи. Нельзя допускать смуты, заговоры и мятежи, ибо власти установлены от Бога. Меня пугают бесчинства черни. Они врываются в церкви, разрушают иконы и статуи святых и даже разбили фигуру Девы Марии. Какое варварство! – возмутился аббат.

В Зальцбурге чувствовалось приближение бури. Недавно Теофраст выехал в окрестности города на вызов к больному. По дороге ему встретилась толпа крестьян, которые бежали куда-то, вооружившись вилами. Ему довелось быть и свидетелем пожара: из ненависти к богачу жители деревни подожгли его дом. В горах крестьяне и шахтеры о чем-то сговаривались. Кардинал выудил из страны еще 30 тысяч гульденов, обложив ее дополнительным налогом. Горожане возмущались. Ланг готовился перевоспитать «смутьянов» – он нанял 500 чужеземных солдат и приказал обеспечить две главные крепости пушками, пулями и порохом.

– Да, ваше преосвященство, вандализм, в самом деле, отвратителен, – согласился Теофраст.

В поклонении иконам и статуям ему виделось что-то языческое, но их разрушение выглядело еще хуже. Убрать из церквей лишнюю роскошь? В этом есть резон, но иконы-то тут при чем?

Разговор не удалось продолжить. 28 декабря аббат скончался от апоплексического удара. Теофраста в Зальцбурге в это время не было: он уезжал на Рождество к отцу в Филлах. Аббат не разделял взглядов Теофраста, но его смерть была для врача тяжелой потерей.

* * *

Одной из пациенток Теофраста стала сестра столяра Лукаса, уважаемого в своем цехе. Лукас познакомился с доктором и доверял ему. Он пригласил Теофраста в свою компанию на вечеринку. Около дюжины гостей собрались в доме одного из друзей Лукаса на окраине города. Дом стоял на отшибе – лишних ушей можно было не бояться. За столом стали обсуждать нравы священников:

– Говорят, что в Риме высшие духовники держат свои публичные дома. До чего дошло! В окружении кардиналов жулики, сутенеры и проститутки! Банкиры, ростовщики – их друзья!

– Неужели! А как же папа их терпит?

– А ты думаешь, папа – святой? Очень просто: падшие женщины им прибыль дают.

– Ха-ха! Наверху у всех рыльце в пуху! В Риме высокими должностями торгуют!

– Недаром говорят: черт попу карман набивает.

– За деньги они отца родного продадут! За деньги и грехи отпускают! Ловко: у кого больше денег, тот и на том свете будет в раю!

– Раньше нас успокаивали: терпите все на земле – будет вам блаженство на небесах. А теперь, выходит, нам и это не по карману?!

Приятель Лукаса пили, оживленно беседовали, вместе пели. Теофрасту запомнилась одна из песен:

Ложь и злоба миром правит.
Совесь душат, правду травят,
Мертв закон, убита честь,
Непотребных дел не счесть.
Заперты, закрыты двери

Доброте, любви и вере.
Мудрость учит в наши дни:
Укради и обмани!

Это собрались вальденсы. Они придерживались идеалов раннего христианства, чистоты нравов и помогали друг другу. Их преследовали, но не могли истребить.

– Не беспокойся, Теофраст. Тут все люди надежные. Мы не отделяемся от католической церкви, – объяснил Теофрасту Лукас. – Но миряне должны иметь право свободно читать Библию и проповедовать. А ты как думаешь?

– Меня многое возмущает. Надо покончить с продажей отпущения грехов и торговлей должностями. Церковь должна повернуться к простым людям, отказаться от светских привилегий, от десятины, от поборов. Увы, кое-кто из наших священников служит не Богу, а золотому тельцу. Это ли истинная вера?

– Теофраст, назревает бунт. Люди должны быть братьями – разве можно брать в руки оружие?

– Не дай Бог, чтобы дело дошло до этого! Война – преступление, – ответил доктор. – Уж мы-то, врачи, первыми видим, как война калечит людей. Бьешься с больным, вытаскиваешь его с того света – и вдруг он погибает. Все твои усилия вмиг пропадают. Но вроде все идет к войне. Правители доводят народ до нищеты и отчаяния.

– Но помнишь ли ты слова апостола Павла из Послания к римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Противящийся власти противится Божию установлению»?

– Да, помню. На эти слова правители и их челядь любит ссылаться. Но Павел считал, что всякая власть – под Богом, всякий начальник есть Божий слуга. Богу угодно, чтобы в мире были справедливость и любовь. Ежели власть творит зло и не исполняет заповеди Божьи, она должна пенять на себя.

* * *

Удалось бы Теофрасту спасти аббата, если бы он оставался в городе? Может быть и нет – кто знает? Ему нередко удавалось вылечить больного, когда другие врачи не могли этого сделать. А разве это не колдовство? Об этом начинали шептаться, и слухи были опасны. Еще опаснее было работать у печи с ретортами и колбами – алхимик мог прослыть колдуном. Все непонятное внушало окружающим страх. Даже юристы и богословы полагали, что особым знаниям и навыкам учит дьявол. Поэтому Теофраст не любил, как правило, рассказывать о себе. Колдунов и ведьм сжигали на костре, а у него было еще много дел на земле.

Люди веками мучились от голода и эпидемий, неурожаев и гибели скота. Они считали, что все эти безобразия не могут происходить сами по себе, а возникают из-за врагов, насылающих порчу. «Мы-то с вами – добрые христиане, но у нашей христианской церкви, – учил монах Савонарола, – семь главных врагов: неверующие, евреи, мусульмане, язычники, еретики, ложные христиане и суеверные». Как же найти самых вредных врагов и их уничтожить?

За девять лет до рождения Теофраста в судьбе жителей Европы произошел важный поворот. В 1484 году папа Иннокентий VIII издал послание: «С самой глубокой печалью мы узнали недавно, что очень много людей обоих полов, отказываясь от нашей общей веры, вступили в плотскую связь с дьяволом, с демоническими существами». Такие связи, по мнению церкви, приняли особенно угрожающий характер в Майнце, Кёльне, Трире, Бремене, Зальцбурге и окружающих их землях. В 1487 году два почтенных профессора теологии Якоб Шпренгер и Генрих Инститорис (Крамер) издали трактат «Молот ведьм». Они объяснили, как распознавать колдунов и ведьм, которые вступают с дьяволом в сексуальные отношения и заключают с

ним договор против Бога. Какое чудовищное, двойное преступление: отступничество от Бога и колдовство!

В книге были примеры, рассказы очевидцев, и ее авторы требовали судить таких преступников и непременно сжигать. Книгу переиздавали 30 раз на протяжении следующих двух веков, а ее авторам поручили истребление злостной ереси, снабдили их грамотами инквизиторов и они отправились в путешествие по самым опасным местам. Крамер гордился тем, что лично отправил на костер 200 ведьм. Этот профессор был известен растратой денег от продажи индульгенций. Сжигание ведьм и колдунов тоже приносило прибыль: их деньги и имущество доставались не только властям, но и инквизиторам и доносчикам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.